

ШКУРА

Действующие лица:

Майя

Аня

Яна (героиня историй, которые рассказывают Майя и Аня)

1.

ЯНА. Класс. Школа. Все орут. Училки нет еще. Носятся, пинают пакет с формой на физру. Волосы расчесывают, волосы эти с расчесок потом везде липнут. Противно, когда чужие на своей тетрадке находишь. Глаза черным. Губы. Губы блестящей помадой красят в три слоя. Запах этот. Запах пота и приторный такой косметики и ароматизатора с дезика. И я слышу через гул, как они, пацаны на задней парте...

ПАЦАНЫ. Не, пацаны, тема это средний размер. Ну чтобы там форма. Идеал — чтобы в руку влезала. Чтобы не свисала нигде. Если свисает это к бабкам надо, у них по калено там. Чувак, некрофил вот ты? Вот покаж свою руку. Чувак, мозоли? Плачешь ночью, дрочишь?

ПАЦАНЫ. Отвали. Вон у Лизуна что надо. Зацени фотку.

ЯНА. Лиза никакая. По мне. Стучит в висках и чувствую, щеки краснеют. Стыдно. Я уже не слышу остальных, которые про домашку что-то, про контрольную, бред. Тетрадку кто-то тянет. А они один другого громче. Слова и ржач.

ПАЦАНЫ. Чувааак, давай прикинем. Верчик ммм. Подойдёт. У Махи, ха, Маха-доска, только жопа влезет тебе в руку. Тебе надо?

ЯНА. Они реально не понимают, что мы все слышим? Маша рядом сидит. Она красная вся, прячет лицо за волосами и делает вид, что занята телефоном. А передо мной сидит Вера. Повернулась, глаза закатила, мол, вот придурки они там. Она не подруга, так, ржем иногда. И вот у нее эти губы намазанные. Я представляю, как сексуально эта помада размазаться может, ну как в фильмах.

ПАЦАНЫ. Лучшие сиськи! Имя-голос! Имя-голос! У-у-у!

ЯНА. Хватаю ее за волосы, пафосно так, грубо. И целую. Все в ахуе. Да... А Верка подыграла, лизаться начала, прямо в десны. Фу. Помада эта такая липкая оказалась, а блестки я еще день отмывала. Не знаю, зачем я. Просто прикольно. Чтобы показать.

2.

ЯНА. Мне хотелось по-новому двигаться, говорить и одеваться. Флиртвала с парнями, да. Ну а что. В классе Лиза стебала мои каблуки, а ее подпевалы говорили, что я громко смеюсь. Я как могла пыталась поддеть в ответ. Остальные не сразу приняли Лизину сторону. Смотрели на меня снизу вверх, восхищались. Вера в раздевалке рассматривала мой новый лифчик с пуш-апом, который я купила тайком от мамы на свои деньги. Мама

такое не понимает, носит спортивные только, которые все плоским делают. Я думала, что хотя бы Маша останется моей подругой, мы несколько лет сидели за одной партой. Но Лиза поманила пальчиком. И Маха стала частью ее стада...На новый фильм не позвала с собой. А потом я не дала ей свой блокнот сфоткать для инстаграма. Я обиделась. Даже в туалете плакала. А Лизе от этого весело было. Не знаю, какое ей вообще дело. Потом они все, даже те, кто вроде был нормальным, комментировали, обсуждали. Замолкали, когда я проходила рядом. И шипели...

ТЕЛКИ. Яма-Яма.

ЯНА. Презик мне как-то в рюкзак забросили. А я им ору: «Как будто я виновата, что вы неудовлетворенные и никто вас не хочет». Я знаю, это не парни, это телки, после того, как у меня все случилось, пустили по классу тот листок.

Мы сидим на географии. Училка у нас того немного и старая уже. У нее климакс начался и от этого в пот все время бросает. Морщинистая ложбинка между грудями всегда мокрая. Щеки красные и косметика течет, тушь с глаз, румяна. Она пытается поправить, а руки всегда в меле и только хуже.

Вижу, по левому ряду идет волна. Хихикают они, с высунутым языком сосредоточенно что-то пишут. Не конспект, не может быть. Я даже могу рассмотреть слюну в их ртах. Маша там сидит с Верой. Они переглядываются, Вера рисует зигзаг на листике. Маша на долю секунды встречается со мной взглядом. Но трогает за плечо соседа спереди и передает листок дальше. Больше, больше людей краснеет, ёрзает, зажимает рот руками. Вот-вот очередь и до меня дойдет. И я вижу в замедленной съемке как географичка вырывает этот листок в мелкую клетку и застывает. Она белеет. Потом багровеет. И начинает орать.

ГЕОГРАФИЦА. Дегенераты. Позор. Школа. Дебилы. К директору. Кастрирую. Уйду. Мрази. Никогда больше. Никогда.

ЯНА. Нам пиздец. Она ломает указку, швыряет ее, мы уворачиваемся, швыряет журнал, атласы. Пи-и-издец. И страшно и смешно. Она орет так, что слов не разобрать. У нее вообще с речью проблемы. Она хватается за сердце...

Но нет. Листок доходит до меня. На тетрадной странице они нарисовали не географичку, а меня с раздвинутыми ногами, подписали: «Яна: «У меня течка» - и рядом: «Дорисуй и передай другому». Дорисовали много деталей. Я набрала воздуха. Надежда Николаевна прикрикнула.

ГЕОГРАФИЦА. Тихо там.

ЯНА. И я конспект продолжила писать. Пошли вы все...А потом еще, слышу...

ГЕОГРАФИЦА. Залесская, телефон убери!

ЯНА. Оборачиваюсь, а Лиза снимает видео и ржет.

3.

АНЯ. Я услышала эту историю от Майи, когда только начала учиться в универе. Я сидела в библиотеке и была зажата горами словарей. Это чем-то походило на дедовщину, но на первом курсе нам постоянно задавали бессмысленные домашки, в которых надо было от

руки переписывать словарные статьи. Наверное, это должно было воспитать у нас любовь к библиотеке, уважение к труду Владимира Ивановича Даля, выносливость... Но.

МАЙЯ. Ну что, мне рассказывать дальше? Ты бы смотрела такой фильм?

АНЯ. Я что-то проямлила себе под нос. Типа, сюжет давольно банальный.

МАЙЯ. Там дело в атмосфере, понимаешь, словами трудно описать: нелинейность истории, движение камеры, лица актеров, звуки. Там не что, а как.

АНЯ. Конечно, лучше бы я сидела в тишине. Я бы быстрее закончила работу, закинула словари на тележку, потом час тряслась в тралике, и завалилась бы спать. Но почему-то я не сказала Майе нет, не попросила не мешать. Не прошипела ей: «Исчезни». По правде, она меня чем-то привлекала. Мне от нее было и страшно и интересно. Это мы по биологии кажется, проходили, что с хищниками всегда так. Зверьки к ним тянутся. И она продолжила монологом, даже не смотря на меня.

4.

МАЙЯ. Вот представь девочку, меня, себя, Яну, да у всех был такой момент. Она вырвалась из привычного окружения, допустим, съездила в деревню на лето. И там, вдруг на нее смотрит по-другому, по-серьёзному, понимаешь И там разговоры серьёзные, типа: “А что дальше?”, “А что такое жизнь”, “А кто я?”. Парни в глаза заглядывают. Дискотеки, алкоголь первый. И вот у нее там что-то открылось такое. Узнаешь? Узнаешь? Бах, фейерверк. Желание, интерес любопытство которое просто разрывает. Раньше это было только в фильмах, а теперь в тебе. И лето заканчивается, она возвращается в этот свой обычный мир, где школа, лица одинаковые. И что она делает? Она думает...

ЯНА. Какая же я охрененно крутая!

МАЙЯ. Она из всех сил наслаждается собой. Она провоцирует. Курицы от нее разбегаются, потому что чувствуют эту силу и боятся конкуренции, боятся того, чего хотят сами. Мать хмурится. А Яна пишет в дневнике...

ЯНА. Я останусь такой навсегда. Такой бомбической и невероятной. Я не буду в сорок лет пить вино и на посление деньги покупать модные шмотки или красить губы красной помадой, и быть отчаянной. Я не буду гнаться за временем, а останусь такой навсегда.

МАЙЯ. Она ловит на себе взгляды. Она находит на себе даже первые взгляды взрослых мужиков. Это странно, не очень приятно, но кто там разбираться будет. Это подстегивает Ее хотят, понимаешь? Она привлекательна! Но это внутри, как бомба, выхода этой энергии нет. И она не знает как это вообще работает. И вот она сканирует взглядом всех парней класса. Взглядов и улыбочек недостаточно. Она идет на свидание с одним. Максим одноклассник, они говорили на переменах. Это удобно. Они видятся часто. Потом, он симпатичным оказался. Но все симпатичные по своему. Так. И... вот! Он не опасный! Он такой...

МАКСИМ. Ммм...Эээ...Ну что? Хи-хи.

МАЙЯ. И есть старшеклассник Илья. Он вообще, ну вообще. Понимаешь? Во всех школах есть такие. Он не то чтобы супер талантливый, или красивый, или сильный, он просто на Олимпе и любят его за это. Илья поглядывает на Яну, но ничего не делает. Как к нему подкатить, она не знает. И он то одной девушке улыбнется, то другой. Ну а Максим... У

них одна компания. Они его стебуют немного, как малого, но в обиду тоже не дают. И вот свидания у Максима с Яной. Какие тут могут быть свидания? Сходили в кино. Тупо два часа смотрели какую-нибудь муть из Марвелы со взрывами и супергероями. Янин автобус приехал раньше. Ну она и уехала. Даже ни чмокнулись они. Представляешь неловкость? Но потом он присылает ей сообщения.

МАКСИМ. “Малышка, как доехала?”

МАЙЯ. Они это серьезно.

ЯНА. “Норм.”

МАКСИМ. “Я не усну, если мы завтра не увидимся.”

МАЙЯ. Яна молчит.

МАКСИМ. “Знаешь разницу между кровью и тобой”

МАКСИМ. “Кровь попадает в сердце и уходит из него. А ты останешься там навсегда.”

МАЙЯ. Это ужасно смешно все. Но вспомни, как это было в первый раз. Представь, у тебя были большие ожидания, ты посмотрела тупое кино, парень рядом кряхтел, потел, даже за руку тебя не взял. И потом это.

ЯНА. Малышка. Малышка. Малышка.

МАЙЯ. Яна произносит это про себя. И улыбается. Приятно. И соглашается на другое свидание. И в какой-то момент через Максима она знакомится с Ильёй. И он вдруг начинает ей слать смски.

ИЛЬЯ. “А короче шорты у тебя есть?”

ЯНА. “Не твое дело☺”

ИЛЬЯ. “Хватит мучить малого, я знаю, что хочешь ты только меня”

ЯНА. “Мечтай”

ИЛЬЯ. “У тебя уже было?”

“Я хочу лишить тебя девственности бутылкой от колы, которую сейчас пью.”

“Знаешь, как это называется?”

“Погугли”

“Только чтобы родителей не было дома”

“А потом напиши, как тебе зашло.”

ЯНА. “Извращенец ☺”

МАКСИМ. Кто пишет?

ЯНА. Так. Мама.

МАЙЯ. Илья то молчит, то закидывает ее смсками. Странными, но какая разница, это же стиб. Яна классная, сразу два парня. И это такое ощущение, ух. Она надеется, что Илья позовет ее на свидание. Но зовет только Максим и она соглашается. Они ходят по

маршрутам, дом Яны - дом Максима, ходят к школе и обратно, ходят в скверик там какой-нибудь на районе. Уже осень, листья опадают. У Максима руки в корманах. У Яны сумка, в которой ничего не лежит кроме телефона и наушников. А сумка на самом деле для красоты. Максим неумело закуривает. Яна громко смеется, говорит...

ЯНА. Ты что, в первый раз?

МАКСИМ. Пытаюсь бросить.

МАЙЯ. Максим плюет на асфальт, а он весь в ямах и трещинах. И они идут дальше. Сидят на детской площадке на качелях, целуются с языком. А что потом? Осень же. Стало холоднее и Яна пришла к Максиму домой. На каком-нибудь пятом, седьмом свидании – она обязательно их считала - легла с ним в кровать. У него еще узкая кровать. И простыни с цветочками, такие у всех есть. Она молодец, ведь в американских фильмах всегда советовали делать это не раньше третьего свидания. «Иначе он тебя не будет уважать как женщину».

МАЙЯ. Еще ведь Максим с завистью рассказывал про девушку Ильи.

МАКСИМ. Не девушка, подруга, он так ее называет. Говорит, что у них свободные отношения. Ну и они сама понимаешь. У нее то есть время, то нет, она же студентка. Но если есть, то Илья ныряет полностью. Нас с пацанами игнорит. Зато потом историй...Неприличных.

МАЙЯ. Яне хотелось быть опытной и получать удовольствие. А еще она хотела. Вот по-настоящему хотела. Она к этому времени уже, конечно, заперлась в ванной. Понимаешь?

АНЯ. Это мне тоже предлагаешь снять?

МАЙЯ. Девочка глушит стоны в ванной, а домашние делают звук телевизора громче. И ни за что ей ничего не скажут. Снимай, что хочешь. Но я уже не верю в эти лучики в туннеле и поглаживания по голове.

5.

АНЯ. Меня так раздражало это высокомерие Майи. Типа вот она ловит тебя, когда ты одна и незащищена в библиотеке, коридоре или туалете и рассказывает такую дичь, а ты если дернешься, значит любишь только слащавое кино и все с твоей жизнью понятно. У меня аж горело все внутри от ее фальши. Я не верила. А она хохотала и так и не ответила ни на один из моих вопросов про любовь и настоящие чувства, про честность и ответственность.

Я ей. Кто тебе снится? Ты сама любила? А влюблена была? А поцелуй первый с кем? Просто так или с чувствами? А мечтаешь? Ты мечтаешь? Чтобы было особенным все, чтобы у вас было то самое, высмеянное в фильмах? Ты готова сражаться за это?

Я не помню точно, но представляю, что она тогда уходила, смеясь. А я несмотря на раздражение гордо думала, что раскусила ее. Что она выдумывает эти странные фильмы. Но наверняка смотрит, как и весь мир того же Шерлока или Игры престолов или что там еще. И наверняка снился ей какой-нибудь Камбербэтч. И она улыбалась от реальности этих снов. И я так явно это представила, что теперь то и дело видела их вместе в коридорах универа.

б.

ЯНА. Я хотела подкараулить Машу после школы, чтобы поговорить с ней. Хотела рассказать ей, как все было, поделиться своим опытом. Как мы раньше всем делились. Хотела фотки с ней общие сделать, как раньше. Хотела прощения попросить, если обидела ее чем. Хотела, конечно, чтобы и она извинилась за свое предательство.

Я ей: «Маша, стой!» А она идет быстрее. Я начинаю бежать. Она поворачивается ко мне и шипит.

МАША. Уходи лучше.

ЯНА. Стой, я просто хочу поговорить

И тут отовсюду появляются телки.

ТЕЛКИ. Яма, привет.

ЯНА. И Лиза такая, насмотревшись экшенов идет. Вся крутая. Я думаю, какими бы словами их обзывать. Она ко мне вплотную. Я кручу фразу «плоская сука». А Лиза без всяких слов тянет меня за сережку и рвет ухо. У меня все заливается болью. Я не была готова к такому. Блин.

Блин! Сука!

И я начинаю махать руками и ногами. Я никогда не дралась, видела только парней в школе. Это больно, но так прикольно. Я дотянулась до волос Лизы. Мне так хотелось, выдрать у нее клок, чтобы она лысой была. И я успела. Потом ко мне подлетели другие. Я их даже не знаю, может старшеклассницы или дворовые какие-то. И начали меня лупить. Я проиграла, конечно, но пыталась дать сдачи. Рванула пирсинг кому-то. Ох и завизжала она тогда. Жаль, что я ключи не успела достать, то-то бы было. И как в сопливом фильме. Я на земле, меня ногами пинают. Пока еще боли не чувствую почти. И вижу сквозь ноги, как Машина куртка сверкает между деревьями, убегает она. Я думаю, уже, все, в скорой увезут. И тут парни подбежали. Отпиздили их всех. Я потом поняла из общих разговоров, что телки те заранее сговорились меня избить.

ЛИЗА. Нехрен выёбываться! Пускай шлюха сидит дома!

ЯНА. Максим услышал про их планы, мы же в одном классе. Они еще думали, что раз он рассказал всем о нашем с ним первом сексе, то значит, он тоже против меня. Но как оказалось, нет. Ему было ссыкатно одному выступать против всех разъяренных телок. Вот он и позвал свою банду. И я лежу такая на земле, больно, сердце прям в голове стучит. И я слышу, как Илья орет.

ИЛЬЯ. И только попробуйте тронуть ее, сиськи оторву! Малолетки!

ЯНА. И все ржут. И мне так приятно. И уже не страшно. Мне помогают подняться. Мы идем к кому-то домой. Чтобы мне там ухо обработали перекисью водорода. Меня кто-то поддерживает за руки. Все улыбаются. И наперебой говорят.

ПАРНИ. Ну, ты крутая.

Видели, как ты одна, на эту толпу.

Суки они, всемером на одну нападать. Несправедливо.

А кольцо прям выдрала из брови. Зачет.

Ниче, больше не тронут.

ЯНА. И мы такие на адреналине в этой хате. У меня все болит, больно смеяться, но я все время ржу. И мы орем...

ЯНА и ПАРНИ. Зубы на бордюры!

ЯНА. Как в «Американской истории Х». И мне впервые за последнее время так хорошо и спокойно.

МАЙЯ. И есть в какой-то песне слова такие «Хочется сдохнуть, как хочется жить!». Вот так у них там было.

ЯНА. И парни такие потом мне...

ПАРНИ. Ты приходи к нам, если чё.

ЯНА. И Илья подмигнул. Ну я и стала приходить.

7.

МАЙЯ. Парни собиралась в разных квартирах. Яне кто-то из них писал ВКонтакте. Время, адрес, код от подъезда. У них ВКонтакте был общий диалог, куда ее не включили. Но виделись они раз в неделю, и Яна надеялась, что ее зовут всегда. Она начала разбираться в футболе. Гордилась тем, что, наверняка, единственная из ее знакомых, кто действительно понимает, что такое офсайд и тем более, что «рука бога», это про Диего Марадону, а не про то, что вы подумали. Яне нравилось, как парни наперебой объясняли друг другу и ей в том числе, чем удачен новый трансфер в Реал или Барсу. Она даже специально переспрашивала вещи, которые давно усвоила...

ЯНА. Подождите-подождите, за сколько лямов его купили?

МАЙЯ. Парни снисходительно смеялись, но, не скрывая удовольствия, повторяли для Яны.

ЯНА. Я называла их своими парнями. В шутку. Парней у меня, получается, было много, человек пятнадцать в компании. Они называли всех девушек «шкуры», но меня только Яной или друганом.

МАЙЯ. Яна чувствовала благодарность, старалась не думать, что происходило без нее. Явно, какие-то терки и обсуждения. Сначала парни были насторожены, посматривали друг на друга, почти не матерились. Илья тогда сказал между делом.

ИЛЬЯ. Парни нервничают, когда рядом девушка все обычно ведут себя как придурки.

ЯНА. Я не буду выступать. Обещаю.

ИЛЬЯ. Я так и думал.

ЯНА. Мы с Максимом поговорили. Мы просто друзья. Я одна.

ИЛЬЯ. Ты с нами. Все круто.

МАЙЯ. Максим долго извинялся перед Яной. Она простила. Признался ей, что одноклассники, парни из другой компании, думали, что он гей. И испугался, поэтому и ляпнул про них в классе.

МАКСИМ. Не думал, что такая жесть пойдет. Лиза когда-то липла ко мне, но еще в начальной школе. Может до сих пор ей нравлюсь? Прикольно если так, а, как думаешь?

МАЙЯ. Яна быстро мимикрировала. Футбол, дота, мемы, обвинить кого-нибудь в педерастии.

ПАРЕНЬ. Тьфу, пиво протухло, как моча.

МАЙЯ. И сплевывает в раковину.

ЯНА. Глотай, как профессионал.

МАЙЯ. Яна точно свой пацан. В школе ее прессовать перестали, а даже зауважали. Маша и Вера перестали дружить с Лизой и стали помешаны на здоровом образе жизни и физухе. Яне это было не интересно. Как и сама школа. Все важное происходило в квартирах. Пару раз кто-то из парней хотел напрямь ее уборкой. Но она отказывалась, и остальные соглашались. Она могла только приготовить что-нибудь к выпивке. А вот убирать всегда должен хозяин квартиры, не важно, кто заблевал углы.

8.

АНЯ. А у меня в школе крутым считалась серьезность и взрослость. Было модно находиться в постоянных отношениях. Из года в год одни и те же парни и девушки ходили по коридорам под руку и выглядели, по правде, довольно тоскливо. Коридоры у нас были покрашены в бледно-оранжевый, бледно-зеленый и бледно-синий цвета, по этажам. Где были окна, ну рекреации, еще можно было терпеть. А в остальных местах лампы дневного света били в глаза или, еще хуже, их клинило и они мигали как в психушке. Может быть, и Яна ходила по таким коридорам? Не целовалась с одноклассницей Верой, не рвала пирсинг, а переживала, что она одна и теряется в этих лабиринтах. Что она обычная и такая же как все?

ЯНА. Я ходила такая настороженная. Мне так хотелось людей, которые станут моими, но я не понимала, откуда этому всему взяться. Во всех кружках после школы журналистика там, живопись, были странные девочки или малолетки. Знала я хорошо только свой класс, с такими же депрессивными как я подругами, еще пару ребят постарше. Среди них был Марк. Наши мамы работали вместе. Поэтому я его знала. Мы здоровались в коридорах, но не больше. Сначала. Мне он казался таким, гопник, который пытается быть мажорчиком. Ну, знаете? Кросачи там модные, свитшот с Юностью, носки дорогие. Что он пытается быть кем-то, но разговаривать там не о чем.

МАРК. Яна, давай рюкзак.

ЯНА. Раз.

МАРК. Яна, сникерс хочешь?

ЯНА. Два.

МАРК. Погуляем?

ЯНА. Три...Нет. Зачем мне? Что мне? А потом мы с ним случайно в автобусе ехали вместе. И я хотела его поддеть. Спрашиваю: «Хочешь подкосы сделаю?». Я всех так проверяла. Обычно ржут, отказываются. А он такой, тихо: «Давай». Автобус, я еще с рюкзаком. Наклоняюсь, к его ногам, смеюсь конечно. Пассажиры другие смотрят. Подворачиваю штанину. А там у него нога голая над носком, волосатая. Я никогда так близко мужскую ногу не видела. Только папы может, дедушки когда-то, но это не то. Я думала, что такое всегда отвратительно. А мне показалось вдруг милым и трогательным.

МАРК. Так погуляем?

ЯНА. Давай. А себе я тогда сказала, что в конце концов никогда не знаешь, чем обернется прогулка. У нас же нет дара предвидения. В этом весь смысл, говорить «да» на вещи, которые кажутся непонятными.

И мы начали встречаться, как-то само собой. Я потом уже и не помнила, как жила до этого. И мы стали одной из тех школьных пар, которая все время вместе дрейфует по коридорам, как сиамские близнецы сросшиеся пальцами.

Марк временами был позером. Смушал меня в общественном транспорте, не держался за поручни и читал стихи поэтов серебряного века, чуть поглядывая на других пассажиров и меня. Я это прощала, ведь стихи мне нравились. Мне казалось, что я знаю его, что под шмотками, под взглядами на остальных, под любованием собой, есть чистое и незащищенное сердце. Не такое как у других. И бывало, он показывал его мне. Говорил...

МАРК. Я хочу видеть людей, а не сверкающие из-под юбок попы или расширенные от травы зрачки. Хочу жить по-настоящему. Понимаешь?

ЯНА. Я очень старалась его не разочаровать. У него был пунтик на то, что я его девушка. Именно его. Что мы вместе, что все должны об этом знать. У нас же все серьезно, все повзрослому. И юбки, каблуки и прочее мне хорошо бы было носить только для него. Я не спорила. Мы решили быть вместе и девственность я должна была потерять после свадьбы. Закончим школу, я поступлю и тогда уже, когда появятся деньги на съемную квартиру. Я не спорила, хороший был план. Не такой, как у всех.

9.

МАЙЯ. О, девственность, прекрасная тема! Слабо верится, что такой парень существует в реальности.

АНЯ. Представляешь, все мы разные.

МАЙЯ. А он тоже девственность после свадьбы бы потерял? У меня в школе очень боялись лишиться девственности у гинеколога.

АНЯ. Точно.

МАЙЯ. Это вообще место скопления злой энергии. Придумай с этим что-то...

АНЯ. Я помню длинный коридор и все такие напряженные сидят.

МАЙЯ. Идет камера и за каждым взглядом, выражением лица, полуфразой – целая история. Вот девочка сидит, глаза пустые и чуть качает головой проигрывает диалог, который будет в кабинете.

АНЯ. Как в «Ёжике в тумане».

ДЕВОЧКА. Я ей такая: «Здравствуйте». Она мне такая: «Садись». Я ей такая: «Хорошо, сажусь». Улыбнуться обязательно. Медсестра бумажки заполняет. А врач мне такая: «Половой жизнью живешь?». Я такая: «Нет». Она мне: «Умница, хорошая девочка, иди». Блин. Нет. Я такая: «Да». Она мне: «Шлюююуха». Блин, нет. Она мне такая: «Хорошо, иди на кресло». А я такая: «Пожалуйста, не пишите только, маме не говорите». А она такая смотрит... Улыбнется или скривится?

МАЙЯ. Дальше...

АНЯ. Дальше с мамой.

МАМА. Мы после операции, мы без очереди. У нас назначено.

МАЙЯ. И девочка глаза в пол. Понятно всем, какая там операция.

АНЯ. И парень с подругой сидит такой, как будто оберегает.

МАЙЯ Отпугивает! Смотрит на всех свысока.

ПАРЕНЬ. Да, у нас секс!

АНЯ. И Яна идет такая на ватных ногах в этот кабинет. Врач ей в глаза не смотрит.

МАЙЯ. Сразу говорит.

ГИНЕКОЛОГ. Проходи, раздевайся.

АНЯ. Из-за стенки что-то кричит, спрашивает.

ГИНЕКОЛОГ. Первый осмотр? Возраст? Вес? Есть ли жалобы?

АНЯ. Даже если есть, как будто будет кричать в другую комнату.

МАЙЯ. И Яна садится на кушетку. Стаскивает медленно ботинки.

АНЯ. Потом джинсы вместе с трусами. Становится босая на пол. Вообще было бы безгласно становится, но сейчас она не думает об этом. И у нее мурашки, холодно и страшно.

МАЙЯ. Берет полотенце, которое дома у раковины висит. Медленно на цыпочках...

АНЯ. Идет к этому ужасному креслу. Изучает его в деталях.

МАЙЯ. Из-за спины появляется врач. Яне стыдно, ведь она голой попой к ней стоит.

ГИНЕКОЛОГ. На кресло.

АНЯ. Яна расстилает полотенце в цветочек, карабкается на кресло, до последнего не закидывает ноги. Но врач уже рядом и кивает, мол быстрее.

МАЙЯ. Врач внимательно смотрит Яне между ног. А Яна смотрит в потолок.

АНЯ. Она считает грязноватые квадраты. И беспокоится, насколько глупо она выглядит, что не побрилась.

МАЙЯ. Врач между делом...

ГИНЕКОЛОГ. Половой акт был?

АНЯ. Яна что-то там мычит, кивает или мотает головой. Это не важно.

МАЙЯ. Точно, не важно!

АНЯ. И врач смотрит на стол с инструментами. Там лежат расширители разных размеров. Яна видит эти сверкающие железки боковым зрением.

МАЙЯ. И сжимается еще сильнее. Ноги у нее покрылись гусиной кожей и дрожат в этих стременах.

АНЯ. И врач.

МАЙЯ. Вводит.

АНЯ. Резко. Холодно. Больно ужасно.

МАЙЯ. И она не слышит, но чувствует, как будто хрустит там что-то. Яна мычит. А врач такой...

ГИНЕКОЛОГ. Расслабься. Дыши. Этим зеркалом девочек-девственниц смотрю. Так что нечего.

АНЯ. Яна глубоко дышит и считает про себя секунды.

МАЙЯ. Врач отходит еще за какими-то инструментами. Зеркала там или палочки, стекла. А Яна такая раскрытая лежит.

АНЯ. Десять, одиннадцать, двенадцать.

ГИНЕКОЛОГ. Уже почти все.

МАЙЯ. Тыкает ей там, анализы берет.

АНЯ. И без предупреждения вынимает.

МАЙЯ. Фух!

АНЯ. Закончилось!

МАЙЯ. Вот оно счастье. И уже не важно, что ноги выше головы закинута, что ты полуголая перед враждебным чужаком.

АНЯ. Уже не важно, что врач просит задрать майку, чтобы осмотреть грудь.

МАЙЯ. Ты ее задираешь.

ЯНА. Да-да, пожалуйста.

АНЯ. Он быстро и больно ее мнет. И выходит из кабинета. А ты...

МАЙЯ. Всакиваешь с кресла. Дрожащими руками, прыгая на одной ноге, натягиваешь штаны. Кое-как зашнуровываешь обувь и возвращаешься в кабинет.

АНЯ. Там врач может быть, впервые на тебя посмотрит. И скажет, что все норм. Или...

МАЙЯ. Или какая-нибудь хрень.

АНЯ. И тут ты напрягаешься. Ты киваешь, хотя ничего не понимаешь. Надеешься, что потом в интернете все найдешь. Хватаешь листики и убегаешь. Ведь главное...

МАЙЯ. Не важно, на две недели или на год, но ты свободна. Все закончилось!

АНЯ. Ура!

МАЙЯ. Да...

АНЯ. А я думала, что одна так страдаю.

10.

МАЙЯ. У парней были девушки, были трагедии и драмы вне квартир. Часто Яна советовала.

ЯНА. Пожалей.

МАЙЯ. Или.

ЯНА. Бросай, нафиг надо?

МАЙЯ. И поплакавшись ей, парни говорили.

ПАРНИ. Ты настоящий друг.

МАЙЯ. Яне было приятно.

ИЛЬЯ. Красивый друг.

ЯНА. Да.

ИЛЬЯ. И сексуальный.

ЯНА. Да?

ИЛЬЯ. Почему у тебя парня нет?

ЯНА. Вон у меня сколько парней.

ИЛЬЯ. Это правда.

ЯНА. А когда я познакомлюсь с твоей девушкой?

ИЛЬЯ. С кем? Ты ничего не знаешь про меня.

МАЙЯ. И они смотрят друг на друга, улыбаются.

ИЛЬЯ. Я не верю во все эти отношения. Не сейчас, точно. Сейчас надо просто жить, понимаешь? Получать удовольствие. И искать людей, с которыми это удовольствие можно увеличить в миллионы, миллиарды раз. Разделить.

МАЙЯ. Они чокаются стеклянными бутылками пива.

ИЛЬЯ. Ты согласна?

ЯНА. Конечно, я так и живу.

ИЛЬЯ. Я знаю. Ты наш друг и это круто. Я не думал, что с девушкой может быть так просто. Заебись.

ЯНА. Спасибо.

МАЙЯ. Илья наклоняется к Яне близко.

ИЛЬЯ. Значит ты не против?

МАЙЯ. Они целуются. Потом к ним подходит еще один парень.

ИЛЬЯ. Садись, друг. Еще страдаешь?

ПАРЕНЬ. Ай ну.

МАЙЯ. Илья целует Яну. И кивает ей на друга. Яна смеется и чмокает его. А Илья дает им новые бутылки пива и уходит.

ИЛЬЯ. Яна, будь другом. Нам же не нужно других друзей звать?

МАЙЯ. Яна пьет больше. Парень этот тоже. Они пьянеют, целуются дольше и больше. Потом оказываются в одной комнате. Пьяно хихикают. Все быстро заканчивается. Одежда сбилась чуть-чуть.

ПАРЕНЬ. Нормально?

ЯНА. Норм.

МАЙЯ. Потом Яна сидела со всеми на диване, присматривалась. Она не переборщила? И копалась в телефоне. Читала сообщение Маши. Там был длинный красивый пост ВКонтакте. И Маша писала в конце.

МАША. Я иногда себя так чувствую... Мертвой изнутри. А ты?

МАЙЯ. Яна не ответила. Илья вырвал телефон из рук. Прочитал, заржал.

ИЛЬЯ. Зачем тебе подруги, которые только выкладывают в ВКонтакте обоссанные фотки с обоссанными цитатками? Тут у нас настоящая жизнь.

МАЙЯ. Напряженные смешки и голоса.

ПАРНИ. Да.

МАКСИМ. Яна, у меня к тебе другой, очень, очень серьезный вопрос. Сосредоточься.

МАЙЯ. Яна напряглась. Все притихли.

МАКСИМ. Вот если, если я вешу 50 килограмм и съем 500 грамм чипсов, я стану на 1 процент чипсиной?

МАЙЯ. Фух. Все начинают ржать как сумасшедшие. И Яна с ними.

ПАРНИ. Аутист, заебал ты уже! Ха-ха-ха.

МАЙЯ. И Илья так тихо говорит Яне.

ИЛЬЯ. Ты крутая. Ты знаешь, что можешь уйти в любой момент.

ЯНА. Я не хочу.

ИЛЬЯ. Молодец.

МАЙЯ. Так они все по очереди покупали Яне пиво, по очереди угощали сигаретой, а бывало и конфетами, и стали по очереди зажимать в темных углах квартир. Они не делали с Яной ужасных вещей, которые она украдкой подсмотрела в порнофильмах. Может и хотели бы, но не умели или боялись. Поэтому все случилось достаточно быстро и

однообразно. И это не нарушало их дружбы. Яна оставалась единственной девушкой в компании. Они вместе смотрели футбол. Ржали. Выпивали. И Максим был с ними.

ЯНА. И он единственный так нежно пытался. Блять, так противно. Он по голове гадил. Типа жалел. Приятно и мерзко одновременно. Поэтому я старалась держаться от него подальше.

МАЙЯ. Яна жила с мамой. Мама не спрашивала, с кем она проводит время, но часто говорила...

МАМА. Кем ты хочешь быть, девочка?

МАЙЯ. Яну бесил этот вопрос. И она радовалась, что парни ее не стебут, как других девушек во дворе.

ПАРНИ. Это что, сигареты? Это что, пиво? Брось немедленно, ты же будущая мать! Ха-ха-ха.

ЯНА. Этого еще не хватало.

МАЙЯ. Она была своей. Она была нужной.

11.

АНЯ. Мать Марка в очередной раз разругалась с отцом и сбежала на пару дней. В тот раз еды она им не оставила. Голодным им пришлось идти в кафе и впервые за много лет общаться. У них случился настоящий мужской разговор.

ЯНА. Совет Евгения Николаевича свелся к тому, что Марк должен найти себе ту, которая...

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ. Не будет выебываться.

АНЯ. Марк страдал от постоянных родительских ссор. Он обожал маму, но хотел быть таким сильным, как отец. Он дорожил его вниманием и советами. И раз Яну он уже нашел, то решил проверить, насколько она подходит под этот идеал.

ЯНА. Я думала, что я очень мудрая. Что я не такая, как все эти девочки, которые сходятся, расходятся и снова сходятся с парнями. Я читала даже статьи по психологии и одну книгу и делала все, чтобы наши отношения были крепкими. Тогда моим самым большим страхом было, что Марк меня бросит. Это бы значило, что я не справилась. Что я такая же глупая, как другие подростки. Я говорила Марку то, что писали в тех статьях: «Над отношениями надо работать». Один раз, второй, десятый. Первый раз спокойно, дальше все более и более надрывно. Я старалась держать себя в руках. Я старалась быть взрослой, и сдержанной женщиной. А он...

МАРК. Может быть, нам стоит отдохнуть друг от друга? Я хочу сосредоточиться на учебе.

АНЯ. Да, он выпускался в тот год. А Яна была в десятом.

МАРК. Я все меньше чувствую, что ты меня привлекаешь.

ЯНА. Да, я заметила, мы меньше разговариваем по телефону. И я не получала смс. И цветов давно не было. И...

МАРК. А что, если ты мне...

ЯНА. ...больше не нужна?

АНЯ. У Яны слёзы. У Яны сопли. Весь мир рушится. Она так привыкла отправлять перед сном смс: «Спокойной ночи, булочка». Это было их слово, так они друг друга называли всегда. Что она теперь будет делать? Она даже не замечает, как он уходит. Она сидит одна. Плачет. Вся продрогла. Кто-то проходит мимо, смеется, говорит, что...

КТО-ТО. Эмо уже не модно.

АНЯ. Темнеет. Она кое-как выбирается из парка. Ее трясет. Поздно. Пешком идет домой. Что ей сказать родителям? Признать, что они были правы и отношения в ее возрасте не возможны? А дома у подъезда Марк и он орет.

МАРК. Ты где была?!

АНЯ. Яна ничего не понимает.

ЯНА. Я ничего не понимаю.

МАРК. Я тебя жду тут уже час! Трубку трудно поднять?

АНЯ. Яна качает головой.

ЯНА. Что?

МАРК. Посмотри на свой телефон!

АНЯ. Яна достает телефон. Там куча пропущенных.

ЯНА. Что?

МАРК. Да дуреха ты, поверила?

АНЯ. Яна ошарашено смотрит. А Марк ее обнимает, смеется, по попе шлепает.

МАРК. Я пошутил. Перестань уже. Все норм. Прикольнулся я! Слышишь, все нормально! Теперь я знаю, что нужен тебе.

АНЯ. И Яна такая...

ЯНА. Вот как.

АНЯ. Обижаться или радоваться?

ЯНА. Я не знаю даже...

АНЯ. Она улыбается сквозь слезы, обнимает Марка. Утыкается холодным носом в его шею. Он гладит ее по спине и волосам. Она чувствует его запах, такой уже родной и привычный. И думает...

ЯНА. Я сама виновата. Он не видел, что я его люблю, он сомневался. Его бросают родители, чем я лучше. Я не нашла, как сделать его счастливым. Надо больше стараться. Значит все правильно сейчас.

МАРК. Только ты меня проверять не вздумай. Ты же знаешь, что я тебя люблю по-настоящему.

12.

МАЙЯ. Весна. Яна с удовольствием выбирала наряды, перестала носить колготки, достала любимые легкие платья. Пришла в новую квартиру. Здесь она еще ни разу не была. Это квартира Жоры. Он старший брат Максима. Студент. И единственный, на кого Илья смотрит снизу вверх.

ЯНА. Привет.

ЖОРА. Привет. Это ты?

МАЙЯ. Кто же еще. Осмотрел ее с ног до головы. И усмехнулся. Яна передернула головой, но ничего не сказала. Ей нужно было ему понравится. Жора был дрыщеватый. Даже непонятно, почему его все так любили и уважали. Без Ильи тут не обошлось. Он всегда расписывал их парные загулы во всех красках, сколько выпили, кто первый блевал, какие телочки были, сколько Жора зарабатывает, каким он охриненным айтишником будет.

ИЛЬЯ. В отличие от нас, долбоёбов. Макс, повезло тебе с братом.

МАЙЯ. Жора был весь какой-то сморщенный, как старое яблоко, может, от этого злой, а еще слабый, но не слабее Яны. Он затащил ее в кладовку. Она немного упиралась, ведь обычно ее приглашали, совершали какие-то церемонии, хотя бы улыбались, показывая, что они с Яной сообщники. Да и со всеми парнями они были знакомы. Играли в настолки и доту, смотрели футбол, обсуждали учителей. А этот кто? Жора прижал ее к вешалкам со старыми куртками, которые пахли гнилыми листьями и могли кишеть паразитами. Он впился зубами в плечо, потом в шею, руку, грудь, живот, бедра. Он кусал Яну до крови. Она не кричала, но ныла...

ЯНА. Больно.

МАЙЯ. И пыталась вывернуться из его паучьих рук, но не вышло. А он хихикал. Говорил...

ЖОРА. Что больно, то приятно.

МАЙЯ. И на помощь никто не пришел. Конечно, платье Жора тоже не оставил в покое, разодрал, насколько смог. Резко нагнул Яну. Но что там происходило, она вряд ли запомнила, так сильно воняли эти старые куртки, куда ее рывками зарывали носом. Потом они вышли вместе. В большой комнате все смотрели футбол. Илья резко мотнул головой в их сторону и вперился в экран телевизора. Яна успела рассмотреть ревность его взгляде. И ярость.

ЯНА. Неужели, наконец-то. Может, я все же ему нужна?

МАЙЯ. И Максим обдолбанный тут хихикает.

МАКСИМ. Яна, что это у тебя?

ЖОРА. Месячные.

ИЛЬЯ. Жора, у девушки месячные, не приставай к ней. Ай, ну куда бежит, пидор! Пасуй!

МАЙЯ. И про Яну забыли. Там какой-то решающий матч. Десять минут последнего тайма. И Максим единственный тянет к ней руки.

МАКСИМ. Девочка моя, иди сюда, посиди со мной.

МАЙЯ. Противно. Потом Яна заперлась в ванной, смывала с себя красные подтеки и пыль и долго рассматривала испорченное платье. Она решила тихо уйти домой. В коридоре стащила из шкафа мужскую сорочку. Заметила в зеркало, что Илья за ней наблюдает.

13.

АНЯ. Марк закончил школу. Поступил куда-то на платное. Все норм, все у них по плану шло. У него новая компания, конечно появилась. Но Яну туда он не звал.

МАРК. Нахрена они тебе? Ты мой лучший друг, я – твой. Что еще надо?

АНЯ. А действительно, разве надо? Отношения Марка и Яны развивались. Им нравилось играть в женатую пару. Яна особо не умела готовить. Но специально для Марка разучила пару рецептов.

ЯНА. Некуда бежать. Не о чем волноваться. Спокойствие.

АНЯ. Не скука, а спокойствие, говорила Яна. Для нее это и было взрослостью. Они не такие как эти подростки, которые орут под подъездом, курят электронки и мечтают кататься на байке.

ЯНА. У отца Марка появились деньги и они вместе с матерью уехали за город в очередной попытке помириться. А мои строили дачу и оставили меня дома, чтобы я готовилась к экзаменам в тишине. Конечно, мы с Марком были вместе. Я пришла к нему с продуктами. Он засмеялся, стал отбирать мой телефон, чтобы я не прокрастинировала, а быстрее готовила еду. И пошел выгуливать собаку. Я нарезала все для лазаньи. Села ждать. Оказалось, он все-таки унес с собой мой телефон. И пришел он не через пятнадцать минут, а через два часа.

МАРК. Мне надо было зайти за конспектами. Я зря не предупредил.

ЯНА. Я злилась чуть-чуть, но он же признал, что был не прав. Это главное. А вообще был очень хороший день тогда. Мы ели. Обнимались. Смотрели «Игры престолов». И воображали, что мы уже живем одни. Фантазировали, какие обои у нас будут и сколько комнат и заведем ли собаку.

АНЯ. Они закрыли ноутбук. Лежат в одежде под одеялом.

МАРК. Знаешь, парни не верят, что ты девственница.

ЯНА. Придурки.

МАРК. Они просто не знают, как это, заботиться о другом.

АНЯ. Они целуются больше. Дальше. Пьют вино. Марк жметя к Яне. Она к нему. Им хорошо.

МАРК. Разденешься?

АНЯ. Марк часто просил Яну раздеваться перед ним. Ничего такого. Просто ему нравилось смотреть. А еще иногда фотографировать.

МАРК. Я сфоткаю? Ты такая красивая.

ЯНА. Я стесняюсь.

МАРК. Конечно, стесняешься. А я хочу запомнить.

АНЯ. Марк просит, чтобы Яна дотронулась до него. Яна уже делала так пару раз. Она выполняет просьбу. Марку нравится. Марк не прячет телефон.

МАРК. Сядь на колени.

АНЯ. Яна опускается.

МАРК. Сними.

АНЯ. Яна снимает лифчик. Марк берет остатки еды с тарелки и медленно размазывает их по лицу, шеи и голой груди Яны. Телефон не убирает. Она смотрит ему в глаза. Марк выдыхает. Яна отводит взгляд, начинает смеяться встает, лезет целоваться к Марку.

ЯНА. Сумасшедший извращенец.

МАРК. Не испачкай меня.

14.

АНЯ. Зачем она еще раз пошла к ним в квартиру?

МАЙЯ. Я не знаю. Мне страшно знать, зачем. Какое одиночество она чувствовала. Какие надежды испытывала. Как она их оправдывала. Не знали, не слышали, побоялись хозяина квартиры и старшего парня. Это был один единственный раз и больше не будет. Тот секундный взгляд Ильи. Может быть, он сейчас подойдет к ней обнимет, пожалеет.

Максим встретил ее в подъезде. Он бегал за догоном.

МАКСИМ. Не ходи туда.

ЯНА. Чего это?

МАКСИМ. Пожалуйста. Они свиньи, а сегодня особенно.

МАЙЯ. И Яна на секунду задумалась. А потом увидела, как у Максима задрожала губа. Он опять был накуренный. И вот-вот бы расплакался. И Яна еще подумала.

ЯНА. Этот слабак пытается меня спасти?

МАЙЯ. И говорит.

ЯНА. Это потому что ты очко подставляешь.

МАЙЯ. Забрала дорогую бутылку и первая вошла в квартиру.

ИЛЬЯ. Привет, Яма.

МАЙЯ. Он раньше ее так не называл.

ЯНА. Не поняла.

ИЛЬЯ. Все хорошо. Иди ко мне.

МАЙЯ. Пьяный ее обнимает. Не выпуская, ведет в комнату.

ИЛЬЯ. Посиди со мной.

МАЙЯ. Сажает ее себе на колени. А все уже вообще. Клубы дыма. Кто-то ползает. Кто-то ржет.

ЯНА. Жаркая ночь.

ИЛЬЯ. Ты у нас самая жаркая.

МАЙЯ. И лезет ей под кофту.

ЯНА. Тут же остальные.

ИЛЬЯ. Они же друзья. И ты наш друг. Мы все друзья.

МАЙЯ. Просовывает руку в штаны.

ЯНА. А Жора тут?

ИЛЬЯ. Понравился?

ЯНА. Он уебок.

МАЙЯ. Илья пьяный, не может рассчитать силу. Хватает ее за подбородок, резко поворачивает к себе. Больно.

ИЛЬЯ. Яма, хорошая моя, тебе срочно надо заткнуть рот.

ЯНА. Где Жора?

ИЛЬЯ. Сказал, что ему нужны дырки. А не мы. Илья ему тоже не нужен.

МАЙЯ. Илья сильнее. Он скручивает Яне руки. Наклоняет ее к своей ширинке.

ЯНА. Я не хочу.

МАЙЯ. Пытается вырваться, но...

ИЛЬЯ. Да ладно, я помню, как тебе нравились мои смски. Помнишь? Ты еще та, я знаю. Хочешь поиграть в изнасилование?

МАЙЯ. И громко говорит.

ИЛЬЯ. Парни, я знаю, она хочет, чтобы ее трахнули прямо сейчас.

МАЙЯ. И парни, кто еще не отрубился, подходят ближе.

ЯНА. Эй, вы что, он бред говорит!

МАЙЯ. А Илья всем рассказывает про их переписку. И как ей нравится абьюз в порно. И да, она ставила смайлики на эти его сообщения. Но это был флирт. Но кому докажешь. И все подходят ближе. И Илья читает громко свои сообщения. Грязные и подробные. И парни начинают улюлюкать. И у них эти улыбки. И слюни. И снимают. И подпихивают ее. И обязательно говорят.

ОДИН. Только давай без, а то я с ничего не чувствую.

ВТОРОЙ. Я тоже успею вытащить.

ВСЕ. Ты что, нам не доверяешь?

МАЙЯ. Яна на полу. Запах. Музыка гремит, временами подвисает, но потом опять догружается. Максима тут явно нет, сбежал. И никого для Яны здесь нет. Свет кто-то выключил. Только экраны телефонов то тут, то там вспыхивают. Пот. Складки одежды. Трение. Чей-то язык у нее в ухе. Теперь вкус во рту, который ни с чем не перепутаешь. Уже не важно, что больно. Как тогда в драке с девочками. Кто-то руки держит. Яна уже перестала сопротивляться. Бессмысленно. И у нее блэкаут.

15.

МАЙЯ. Не знаю, как. Но все закончилось. Яна нашла себя на балконе. Илья заходит туда. Блестит от пота, трезвеет. Достает сигареты. Протягивает Яне.

ИЛЬЯ. Курить будешь?

МАЙЯ. Не отвечает.

ИЛЬЯ. Малая, норм?

МАЙЯ. Не отвечает.

ИЛЬЯ. Все же норм, мы так, с пацанами, повеселились. Может чуть перегнули. Но норм же? Ты красивая, классная, ты же друг нам, что. Там пацанов в армию забирают. Ты еще не знаешь. Угорели сегодня вообще. Расстроились. Мы для тебя потом что-нибудь тоже...Мы же крыша.

МАЙЯ. Не отвечает. Поворачивает лицо к нему и в упор смотрит. А Илья зло и холодно.

ИЛЬЯ. Тебя никто не держал.

МАЙЯ. Молчит. Смотрит. Глаза пустые. А Илья орет, как папа ее когда-то в детстве.

ИЛЬЯ. Тебя никто не держал, ты поняла?! Ты сама пришла.

МАЙЯ. Илья швыряет сигарету вниз. А высоко, этаж двенадцатый.

ЯНА. Ты же педик, да?

МАЙЯ. Илья белеет, выплевывает слова.

ИЛЬЯ. Ты ничего не знаешь обо мне. Ты просто шлюха.

МАЙЯ. Конечно, Илья уходит. Яна стоит на балконе. Заходит Максим с дурацкой улыбкой. Не смотрит ей в лицо, тоже закуривает, тоже выдыхает на нее дым. Трещит.

МАКСИМ. Яна, слушай. Пойдем отсюда вместе. А? Ну придурки они, ну что взять. Сперма в голову ударила. Пойдем с тобой как раньше, погуляем там?

МАЙЯ. Максим кивает головой в вниз.

МАКСИМ. Тебе может они и нравятся. Но они тебя не уважают, поверь мне. И мне они надоели уже. Пиздят только. Я понял, что есть вещи куда важнее. Вот слушай, я тут постик ванильный ВКонтакте нашел, тебе понравится.

МАЙЯ. И Максим читает.

МАКСИМ. Жить надо ради мелочей. Жить ради рассвета в пять утра, жить ради дорожных путешествий, езды на велосипеде с музыкой в ушах и ветром в волосах, жить

ради танцев под дождем, жить ради смеха до боли в животе, ради улыбок без повода, ради печенья с чаем, ради длинных разговоров, объятий...

АНЯ. Заткнись.

МАКСИМ. Я знаю, с тобой не многие парни захотят сейчас встречаться. Ну я не это имел в виду. Но я готов. Что ты дума...

АНЯ. Заткнись! Ты не будешь святым за ее счет!

МАЙЯ. Максим кидает сигарету вниз и обиженно уходит. А Яна все стоит, оперлась на подоконник, свесилась. И вниз пару раз уже глянула, выброшенные сигареты медленно падали и красиво светились в темноте. Яна достает телефон, снимает небо, горизонт, землю. Светлая ночь, поэтому через камеру можно что-то разобрать. Малые какие-то проходили, увидели Яну, заулюлюкали.

МАЛЫЕ. Прыгай! Давай! Да убейся уже! У-бе-й-сяяя!

МАЙЯ. Ушли. А внизу, там деревья, кусты. И Яна продолжает снимать. Темно и можно на секунду представить, что земли нет, что там черная дыра. И Яна представляет, как она медленно в нее проваливается и красиво-красиво летит, как в космосе. И под ней бесконечность...И зумом она увеличивает эту темноту. На балкон тихо входит Камбербэтч. Он ничего не говорит. Облокачивается на подоконник. Смотрит на Яну внимательно, смотрит вниз, потом опять на Яну. Кажется, он все понимает. Он становится у нее за спиной. Не трогает ее за руки или талию. Вряд ли она вообще захотела бы, чтобы к ней прикасались там. Но он все же решается и легонько кладет обе руки Яне на плечи. Она не вырвалась. Он нажимает чуть сильнее. Она чувствует вес этих рук и они как будто привязывают ее ноги к полу. Камбербэтч дышит ей в затылок и шепчет что-то. Яна по прежнему смотрит вниз.

16.

АНЯ. Иногда бывает противно так, что ты не отдаешь себе отчет, мечтаешь, чтобы случилось еще хуже, самое страшное. Чтобы испытать до конца всю возможную боль, разорваться на тысячу кусков и лежать кровавой кучей. И тогда чтобы ни у кого уже не было вопросов, достойна ли ты сострадания. Чтобы все наконец увидели и поверили.

ЯНА. Уже экзамены прошли. Я почти взрослая, осталось дождаться результатов вступительных. Был мой день рождения. А еще родители Марка разводились. Наконец. Марк напился тогда как скотина, я не лучше. Лето, ночь красивая. Но холодная. И он ведет меня на детскую площадку, там будка такая, «огнеопасно». Прижимает к ней, в тени фонаря. Он же мой парень, он уже в университете даже, он старше и умнее, он плохого не сделает. Говорит.

МАРК. Я хочу заботиться о тебе. Верь мне.

ЯНА. Целует меня, трогает, задирает юбку, не сдерживается. Он бормочет, что мы уже все решили, всю эту хуету про свадьбу, про съехаться, про тачку покупать. Мне восемнадцать. И срок пять минут. Не меньше. Мне кажется, я считала про себя. Он меня натягивает.

ЯНА. Нет-нет.

АНЯ. Тихо.

ЯНА. Может так и надо? Я не знаю, как надо.

АНЯ. И я не знаю.

ЯНА. Ему так грустно, я хочу, чтобы ему лучше стало. Может это и есть моя взрослость? И я сейчас становлюсь женщиной?

АНЯ. Я не знаю.

ЯНА. Холод этот. Хотя, может, это меня озноб просто бьет? У него стоит еле-еле. Или я все же сопротивляюсь. Но он меня все никак порвать не может. И продолжает.

АНЯ. И она уже в микросны проваливается. Опадает.

ЯНА. А он продолжает.

АНЯ. У нее уже все в ссадинах.

ЯНА. Сорок пять минут. Как школьный урок. И так и эдак. И он наконец.

АНЯ. Кончает?

ЯНА. Я не знаю, не помню. А вижу выражение омерзения у него на лице. Глаза звериные. Он говорит, крови нет. Шлюха. С кем. Ты тоже шкура. Как все.

АНЯ. И со всей силы бьет ее по лицу.

ЯНА. Я отлетаю в бетонную стену. Слышу шаги, он матерится, уходит. Спотыкается, падает. Пытается подняться. Я отмечаю про себя, что должна ему помочь, вызвать такси. Что без меня он точно до дома не доберется, а сколько у меня денег осталось? Я фокусирую взгляд и вижу пятно. Меня рвет. Но не из-за алкоголя. Я понимаю, что это кровь из моего разбитого виска. И что больше никогда не буду с Марком. Меня выворачивает наизнанку.

Я знаю, меня никто не пожалеет, ведь что мне рассказать? В восемнадцать лет занялась сексом с парнем, с которым встречалась три года и он по пьяни пнул меня в стену, потому что у него не получилось довести дело до конца? Это смешно. Я никому такое не расскажу. Меня не связывали. Мне не приставляли к горлу нож. Мне не заламывали руки. Иногда я думаю, уж лучше бы было так, тогда бы я смогла сказать, что я жертва и попросить помощи и злиться на этого мудака. И я еще не знаю, что мне очень придется по душе мода на мешковатую одежду. И я не знаю, когда же я перестану мучительно думать о том, какая я дура и что я сделала не так. И я еще не знаю, сколько лет буду ходить к гинекологам как на работу, потому что одна болезнь будет сменяться другой, пока я чудом не пойму, что это я сама, что пока я болею у меня есть оправдание и как будто искупление.

17.

Аня. А еще я не знала тогда, как невыносимо об этом рассказывать. Как все для меня будет ударом. Как каждая история будет про меня. И как сложно здесь увидеть другого. Мне жаль, что я не успела сказать это Майе.

А Майю я очень давно не видела. Она быстро пропала. Кажется, кто-то из наших встретил ее потом на улице. Она говорила, что родители купили ей камеру и теперь она станет режиссером, снимет кино. И даже если она такого не говорила. И даже если она навсегда пропала. Я ведь сама могу снять это кино для нее.

Мы найдем деньги, у нас будет потрясающая команда. Это будет настоящее кино, очень честное, очень болезненное, но все равно, чтобы ни случилось, со светом в конце. Мы скажем свое слово. И нас услышат. И это кого-то спасет. И мы поедем на лучшие фестивали мира. Интересно, где Майя мечтала побывать? В Америке? Во Франции? Ее имя будет в титрах. Ей предложат лучшие наряды. Она будет в длинном закрытом платье, такой красивой и самодостаточной. Журналисты будут наперебой брать у нее интервью. А ей это будет досаждать, ведь слава скучна. В паре метров от нее на красной ковровой дорожке будет стоять ее Камбербэтч. И он подойдет к ней. И спросит у нее, как дела и все ли в порядке. Она поблагодарит его за то, что он был с ней на том адском балконе. Он пожмет плечами, мол пустяки, он готов сделать и больше. И он будет смотреть только ей в глаза. И предложит свой локоть. Она возьмется за его сильную руку в идеально скроенном пиджаке. И они пойдут вместе. Майя, он будет смотреть на тебя. А ты будешь смотреть вперед. Впереди ведь еще так много интересного. Слышишь?

МАЙЯ. Конец.